

4

1971

еВео

Э. КАРХУ

НА ПУТИ К ВОЗМУЖАНИЮ

В ОГРОМНОМ КНИЖНОМ МОРЕ, которое окружает современного читателя, нелегко ориентироваться. Даже присяжному критику, более или менее понаторевшему в делах одной национальной литературы, трудно бывает уследить за всем тем, что происходит в других литературах, которых десятки. В этом случае не только читательский, но и профессионально-критический кругозор тоже по необходимости избирателен, охватывая лишь вершинные явления, вышедшие за национальные рамки и получившие широкий резонанс.

Но именно вершины в первую очередь свидетельствуют о важных изменениях на огромной карте нашей многонациональной советской литературы, об общем ее росте и возмужании отдельных ее национальных отрядов. Наглядным примером этого возмужания могут служить литературы некоторых «малых» народов, из недр которых выдвинулись крупные художники, чье творчество стало предметом читательского внимания как в нашей стране, так и за ее пределами. В лирических книгах Расула Гамзатова, Давида Кугультинова, Кайсына Кулиева, в повестях Чингиза Айтматова национальная жизнь и исторический опыт этих народов осмыслены с точки зрения бытия и опыта всего человечества, подняты на уровень высшей духовности. И думается, творчество этих талантливых художников существенным образом изменило масштабы, с которыми отныне будут подходить к «младописьменным» литературам их народов.

Столь выдающиеся таланты, конечно, редкость, и не каждая молодая литература смогла пока их выдвинуть. Но в каждой литературе происходят по-своему интересные процессы, нуждающиеся в осмыслении.

Молодость литературы накладывает на нее особую печать, ставит перед нею совершенно специфические художественные задачи. В каком бы жанре ни работали представители молодых литератур, они обычно очень остро сознают свою связь со стихией народной поэзии, с народными преданиями, со всем складом веками выработавшегося у народа образного мышления. Они сами

вышли из этой стихии и потому, сохраняя кровную связь с нею, столь преданно, с такой сыновней благодарностью говорят о «святом отношении» к фольклору, своей матери.

Давид Кугультинов: «К фольклору я отношусь свято... Фольклор — это многовековой, отобранный, очищенный человеческим разумом опыт в искусстве. В его произведениях нет того, что есть еще в книгах у нас, грешных, живущих сегодня, — нет ни тщеславия, ни желания угодить кому-либо, нет внутреннего редактора. Фольклор — это чистое золото. Вот почему для каждого литератора он остается великим образцом. И невежды те, кто относится к нему пренебрежительно... Фольклор дает писателю ключ, которым он должен открыть дверь в еще неведомую, но интересную для всех страну, рассказать людям о том, что он там увидел, что узнал. Фольклор прежде всего дает импульсы для творчества писателя».

Кайсын Кулиев: «Я рос в стихии горского фольклора. Я дышал его воздухом, жил в его атмосфере, и, естественно, это оставило большой след в моей работе. Я считаю народную поэзию высшим поэтическим и духовным явлением жизни балкарцев».

Чтобы глубже понять некоторые явления современной карельской литературы, тоже весьма полезно помнить, что еще полвека тому назад единственной словесно-художественной формой самосознания карелов был фольклор, никакими литературными традициями они не располагали. Непродолжительная история карельской литературы представляет собой тот случай, когда переход народа от фольклорного типа художественного мышления к современным литературным формам произошел практически при жизни одного поколения, а в известном смысле происходит и сейчас. Мы являемся свидетелями этого продолжающегося, еще не вполне завершившегося процесса.

Своеобразие литературного развития в Карелии определяется в значительной степени исключительным богатством и древностью ее устно-поэтических традиций. Карелия как культурно-историческое понятие,

как хранительница уникальных ценностей народной культуры широко известна. Корни этой культуры уходят в глубокую древность. Осенью 1969 года общественность Карелии отмечала одну из знаменательных культурных дат — двухсотлетие со дня рождения Архипа Перттунена, крестьянина из далекой северной деревни Ладвозеро, знаменитого рунопевца, от которого Элиас Леннрот записал лучшие руны «Калевалы», этого «монумента словесного творчества», как назвал ее Горький. Но у Архипа Перттунена было много предшественников, имен которых история не донесла до нас.

Наряду с тем, что Карелия — родина «Калевалы», ее часто называют также «Исландией русского эпоса», краем, где многие былины киевского и новгородского циклов долго сохранялись в художественно наиболее совершенном виде.

Вот уже около полутора веков Карелия как редкостная сокровищница народной поэзии и народного искусства привлекает к себе внимание культурного и научного миров. Известный советский ученый профессор Азадовский заметил в свое время, что «на материале фольклора, записанного в Карелии, создавалась, в сущности говоря, вся русская наука о фольклоре». В русской литературе с Карелией были связаны еще Державин, поэт-декабрист Федор Глинка, а в начале XX века — Михаил Пришвин, в советское время — Константин Паустовский и некоторые другие писатели.

Что же касается финской культуры, финского искусства, музыки, литературы, то в ней есть даже особый термин — «карелианизм» — в качестве стиливого направления, зародившегося на рубеже XIX—XX веков. Подобно тому, как Пришвина тянуло в Карелию, так и для многих финских писателей, художников, музыкантов Карелия стала своего рода Меккой, куда они совершали паломничества, чтобы причаститься к истокам народного искусства. Молодой Ян Сибелиус как-то сказал, что его поездка в Карелию и встреча со сказителем Петри Шемейкой дали ему больше творческих импульсов, чем некоторые его учебные поездки в музыкальные центры Европы.

Карелия и сейчас продолжает представлять интерес в фольклорном отношении, хотя среди выдающихся сказителей мы понесли в последние годы крупные утраты. Не стало наших известных сказительниц — Татьяны Перттунен, Марии Михеевой, Феклы Быковой. (Быкова умерла в апреле 1970 года в возрасте девяноста лет. А в феврале 1971 года умерла А. Ф. Никифорова из Вохтозера). Мы бесконечно благодарны этим народным поэтессам и будем хранить их художественное наследие.

НЕСКОЛЬКО ДЕСЯТИЛЕТИЙ литературного развития — и многовековая эпоха предшествовавшей ему народно-поэтической культуры. Над этим фактом стоит призадуматься, он имеет непосредственное отношение и к сегодняшнему дню карель-

ской культуры. Ведь для многих современных карельских писателей фольклор — не просто ряд сборников на книжной полке, не просто еще один момент их эрудиции и общей культуры, но и непосредственная почва, которая вскормила и питает их дарование. Наши поэты Яков Ругоев и Николай Лайне, наши прозаики Антти Тимонен, Пекка Пертту, Ортье Степанов происходят из северных карельских деревень, того самого края, где пел свои руны Архип Перттунен. Еще непосредственные предки этих писателей, даже не прадеды и прабабушки, а матери и отцы, жили в мире народной поэзии, не зная книжной культуры. В фольклорной атмосфере выросли и их сыновья, ставшие уже писателями — первыми писателями своего народа, первым поколением его художественной интеллигенции.

С приходом в литературу этих писателей, непосредственных представителей карельской народности, в нашей прозе и поэзии усилилось внимание к национально-карельской народной жизни. Если взять печатавшиеся в Карелии довоенные романы и повести (на финском и русском языках), то в числе их почти не было книг, в которых национально-карельская среда, прошлое и настоящее карельского народа составляли бы самое плоть повествования. Одной из главных причин было то, что в довоенной литературе Карелии романы и повести писались авторами, которые были либо революционными эмигрантами из Финляндии, либо русскими писателями республики. Те и другие делали полезное для литературы дело, и речь здесь идет вовсе не о том, чтобы как-то умалить их значение. Оказавшись после поражения финской революции 1918 года в Советской Карелии, писатели-эмигранты с подлинным энтузиазмом включились на новой своей родине в строительство социализма и социалистической культуры. В 20—30-е годы они оказали большую помощь в создании местной печати, литературных журналов, в организации книгоиздательского дела. Среди них были талантливые люди, и таких писателей, как Ялмари Виртанен и Хильда Тихля, мы по справедливости называем в числе основоположников советской литературы Карелии.

Но произведения крупных эпических жанров, которые печатались в 30-е годы, чаще всего были связаны с русской и финской, а не национально-карельской тематикой. Выходили романы и повести о событиях финской революции. Хильда Тихля посвятила свой роман «Страница переворачивается» судьбам русских крестьян в период Октябрьской революции. В романе «Возмутители» Виктора Чехова изображено Кижское восстание, событие хотя и происходившее в Карелии, но вовлекшее в себя не национально-карельское население, а русских крестьян Заонезья.

Только в послевоенной нашей прозе и поэзии стали появляться большие эпические произведения, в которых повествование погружено в карельскую этническую среду.

в атмосферу карельской национальной жизни. В качестве главных героев выступают карельские крестьяне. В произведениях могут встречаться, конечно, и другие герои — русские, финны, представители иных национальностей, с которыми карелы вместе трудились и боролись, но все же описываемые события предстают в восприятии именно карельского населения, и это определяет колорит повествования.

В числе первых произведений такого рода были эпическая поэма Я. Ругоева «Сказание о карелах», большое историческое повествование Н. Яккола «Водораздел», ранние повести А. Тимонена и П. Пертту о современной жизни. Но затем исторический аспект привлек и такого приверженца современной темы, как А. Тимонена, и в новом своем романе «Мы — карелы» он вслед за Я. Ругоевым и Н. Яккола также обратился к событиям гражданской войны и иностранной интервенции в Карелии.

Жизнь карельской деревни в первые годы советской власти изображается в романе О. Степанова «Родичи». И, наконец, одно из последних произведений, роман «Борозда» Э. Кононова, карела по национальности, пишущего по-русски, вновь посвящен водовороту событий, в которые были вовлечены карельские крестьяне в годы белофинской интервенции.

Понятен интерес авторов к историко-революционной теме. Для тех, кто пишет о национально-карельской среде, тема эта приобретает особые смысловые нюансы. Для карельских крестьян революция означала не только начало социальных перемен, но и национальное самоопределение. То и другое было взаимосвязано, хотя первоначально связь не всегда осознавалась. В глухих карельских деревнях социальные последствия революции, если иметь в виду непосредственную крестьянскую жизнь, сказались не сразу. Свообразными были условия, здесь никогда не было помещичьего землевладения и не ощущалось столь острого земельного голода, как, например, в среднерусских губерниях. В книге Э. Кононова «Борозда» крестьянин Туруев в споре о том, что ему дала новая власть, говорит: «Землю я и раньше имел».

Но зато с началом белофинской интервенции перед карельскими крестьянами чрезвычайно остро встал вопрос о национально-государственном самоопределении, встал еще до того, как они успели толком понять преимущества новой власти. Для некоторых героев упомянутых книг этот вопрос предстает едва ли не главным и самым мучительным. Не то чтобы они обязательно самолично стремились к активному его разрешению в ту или другую сторону, — напротив, сами они как раз и не знают, что делать, к какому берегу пристать. Их социальный опыт пока слишком мал для понимания происходящих вокруг событий; недостаточно развито не только социальное, но и национальное их самосознание — привязанности их простираются не дальше род-

ной деревни, понятие родины как национального единства у них еще не вполне сложилось. Больше всего на свете они как раз и хотели бы жить тихо-мирно в родной деревне, если бы только их оставили в покое. Васселей, герой романа А. Тимонена «Мы — карелы», вернулся после ранения с фронта первой мировой войны и всем говорит, что он «свою войну отвоевал» и ни с кем больше воевать не хочет. А хочет он жить в своем доме вместе с родными, заниматься хозяйством, ловить рыбу и ходить на охоту, вести привычную жизнь северного карельского крестьянина. Подобной же мечтой живет Туруев в романе Э. Кононова, полагающий, что «мое дело — хлеб растить», а на вопрос, какая же власть ему предпочтительнее, отвечает: «Все едино». Даже Петр Филимонов, чьи родственники зарекомендовали себя ревностными пособниками белофиннов, говорит брату: «Молод ты еще, вот ветер-то в голове и гуляет. По мне так ни большевиков, ни финнов карелам не надо... Мне от любой власти проку никакого. Мне бы пахать да сеять спокойно дали, за скотиной ходить, детей растить...»

В упомянутых произведениях, особенно в романе А. Тимонена, много сцен, когда их герои пытаются спрятаться от событий в лесных избушках, подальше от обжитых мест, где уже нет мира и покоя. Но события настигают их и там, вовлекают в свой яростный поток, грозя разбить на встречаемых порогах. Еще «не красные и не белые» (по выражению из «Водораздела» Н. Яккола), эти люди должны найти свой путь в вихренном мире, преодолеть временный политический дальтонизм, сделать выбор — и для себя, и для своих односельчан, и для всей карельской земли.

В новых произведениях наших авторов воспринят тот принцип историзма в изображении карельского крестьянства, который, пожалуй, впервые с такой наглядностью был заявлен как раз в «Водоразделе» покойного Николая Яккола. Я уже имел случай отметить в «Очерке истории советской литературы Карелии», что Н. Яккола в своем романе в полемически заостренной форме выступает против искусственной модернизации самосознания карельских крестьян периода революции и первых лет советской власти. Историческое своеобразие мирозерцания его героев состоит не просто в крестьянской привязанности к своему хозяйству (это было всюду), но в «остаточном» влиянии патриархально-родовых представлений. «Созрел ли хлеб для жатвы и много ли бревен можно навалить на одни сани — это они знали хорошо, но революция для многих была еще делом смутным. Они мыслили наглядно и предметно, подобно детям и людям первобытно-родовой общины. Им нужно было сперва самим все испытать и испробовать, прежде чем понять то, что было для них ново. Свержение царя они уразумели быстро, потому что это можно было зрительно представить себе. Но понять, как власть от одного клас-

са перешла другому, было уже не легко, потому что и вообразить это было не просто».

В этом же плане можно рассматривать и некоторые эпизоды в романе А. Тимонена или, например, конфликт Туроев — Прохоров в книге Э. Кононова. Прохорову, местному активисту и работнику милиции, «некогда ждать», он хочет от своих односельчан немедленной политической ясности, а тех, у кого ее нет, готов считать врагами революции, с которыми «один разговор — пулей».

Инерция патриархальных представлений объясняет, но еще не оправдывает поведения героев. Рано или поздно все инертное в их сознании приходит в решительное столкновение с общественно-политической действительностью нового времени. Столкновение не обязательно принимает форму «разговора пулей». В некоторых главах романа «Родичи» О. Степанова показано, как в условиях 20-х годов, когда уже и в лесных деревушках зримо пробивались ростки новой жизни и новой нравственности, становился тесным традиционный уклад большой патриархальной семьи.

В последнее время авторы, пишущие о карельской деревне, все охотнее прибегают к карельским народным диалектам. Если П. Пертту в своих повестях еще сравнительно сдержан в этом отношении, следуя в основном нормам литературного финского языка, то в романах А. Тимонена и О. Степанова почти все диалоги ведутся исключительно на карельских наречиях. Тем самым авторы хотят добиться максимальной достоверности повествования, речевой колорит, по замыслу, должен помочь воссозданию поодлинной атмосферы народной жизни и народного мышления. Этой же задаче служит и насыщенность языка героев поговорками, пословицами, народными речениями. Финский фольклорист и филолог Матти Кууси, опубликовавший в 1970 году две статьи о «Водоразделе» Н. Яккола, насчитал в этом романе до двухсот различных пословиц (одна статья так и называется: «Двести пословиц из карельского романа Николая Яккола»). В той или иной степени активное обращение к фольклору характерно и для других авторов.

Конечно, ни народные диалекты, ни фольклорные богатства сами по себе еще не могут служить залогом художественности литературного произведения. Они всего лишь материал, которым художник при легкой образ волен распорядиться в меру своего вкуса, умения и таланта.

ОЦЕНИВАЯ В ЦЕЛОМ ту ветвь литературы, которую в смысле жизненных истоков питает прежде всего национально-карельская среда, следует с удовлетворением отметить, что само ее существование и развитие есть весьма отрадное явление. Из романов Н. Яккола, А. Тимонена, О. Степанова, из повестей П. Пертту, поэм Я. Ругоева и Н. Лайне возникают картины жизни ка-

рельского народа в его прошлом и настоящем, с особенностями национального быта и своеобразием народных характеров. Вполне естественно, что эти произведения особенно близки читателям-карелам, жителям тех мест, где происходили описываемые события. Но они имеют и более общий интерес. Переведенные на русский язык, эти произведения становятся фактом всей советской литературы.

Любопытно, что в последнее время усилилось внимание к карельской литературе также в Финляндии, причем оценивается именно ее национально-карельское своеобразие. Что журнал «Пуналиппу» и отдельные книги карельских авторов имеют своих читателей в соседней стране, это было известно и прежде. Новым симптомом является не просто читательский интерес, но и интерес финской критики к книгам карельских авторов. Выслушать мнение со стороны всегда полезно, и, думаю, есть смысл немного остановиться на финских откликах.

Выше уже упоминались две статьи М. Кууси о романе Н. Яккола. Следует сказать, что их автор — лицо довольно известное и влиятельное в финских научно-литературных кругах. Помимо того, что он крупный фольклорист и университетский профессор, у него немало других должностных ампула. Он возглавляет научно-культурное общество «Калеваласура», является главным редактором восьмитомной «Истории финской литературы», председательствует в комиссиях по распределению литературных премий и пособий, играет одну из первых ролей в организации международных научно-литературных форумов. Так что человек он с опытом и весом, хотя в статьях, разумеется, высказывает свое частное мнение.

В одной из статей в иллюстрированном еженедельнике «Суомен кувалехти» (1970, № 41) М. Кууси высказывает сожаление по поводу того, что прежде он позволял себе с некоторой априорной сдержанностью относиться к тому, что пишется на финском языке в Советской Карелии. Теперь же, после знакомства с четырьмя книгами «Водораздела» Н. Яккола, он полагает, что это невнимание финской критики слишком затянулось. Девятьсот страниц романа критик «прочитал единым духом, взволнованный, временами восторгаясь живостью манеры повествователя». Автор статьи сравнивает «Водораздел» с некоторыми финскими историческими романами и, пользуясь спортивной терминологией, приходит к выводу, что его можно отнести «к среднему тяжелому весу». В статье М. Кууси не обходится без спекуляции политического свойства, рассуждает о «богемной обособленности» покойного карельского писателя и пытается найти подтверждение этому в его книгах. И уж вовсе непонятна готовность М. Кууси рассматривать произведения карельских авторов на финском языке как составную часть национальной литературы Финляндии — ведь, казалось бы, и страны разные, и на-

циональность другая. Художественный опыт финской национальной литературы, естественно, учитывается карельскими писателями, у них общий литературный язык. Однако в корне отличается социально-историческая основа, на которой возникло и развивается литературное движение в Советской Карелии.

В этом отношении более продуманную точку зрения высказывает Ханнес Сихво, другой финский критик, опубликовавший в журнале «Вириття» (1970, № 4) рецензию на «Очерк истории советской литературы Карелии». Рецензент отдает себе отчет в том, что советская литература рождена Октябрьской революцией, и эта истина, по его словам, должна быть «исходным пунктом также при рассмотрении литературы Советской Карелии». А это означает, по мнению критика, что сближения с финской литературой, тем более «романтика единоплеменной общности», здесь неуместны и неправомерны, ибо карельская литература вот уже в течение полувека развивается своим особым путем. Но от этого, как полагает Х. Сихво, Карельская литература становится для читателей Финляндии не менее интересной. Он за то, чтобы произведения карельских авторов, пишущих на финском языке, издавались в Финляндии и чтобы издания советских издательств также были там доступны. Он предлагает издать и финноязычный вариант прорецензированного им «Очерка» вместе с антологией карельской литературы.

Положительные отклики в финской печати получили также книга-биография «Тойво Антикайнен», написанная У. Викстремом, и роман Т. Хуусконена «Стальной вихрь на Карельском перешейке». Эти произведения имеют отношение к финским событиям и продолжают традицию, которая была заложена в карельской литературе предвоенных десятилетий О. Иогансоном, Э. Паррасом, Р. Руско и другими писателями, родившимися в Финляндии. Некоторые из современных карельских писателей также родились в Финляндии, другие являются потомками финских революционных эмигрантов, и уже в силу этих лично-биографических моментов им близка финская тематика. Они, конечно, советские писатели, но вместе с тем они интернационалисты. В лирике финским темам уделяет внимание Тайсто Сумманен, талантливый поэт среднего поколения, работающий весьма активно и плодотворно.

В прозе значительным произведением представляется упомянутый роман Т. Хуусконена. Он обладает несомненными художественными достоинствами и является шагом вперед в творчестве этого автора. «Стальной вихрь» издан пока на финском языке (в журнале «Пуналиппу» и отдельной книгой). Думается, что когда роман будет переведен на русский язык, он также найдет своего читателя и будет оценен критикой.

Т. Хуусконен написал книгу о войне, но

это не совсем обычный вид военного романа в советской литературе. Война здесь показана в восприятии противника. Драматические события лета 1944 года на Карельском перешейке изображены «с финской стороны» — так, как их пережили финские солдаты, испытывавшие на себе огневую мощь наступавших советских войск.

В романе Т. Хуусконена скрещиваются как бы две литературные традиции: советской военной прозы и прогрессивного финского романа о минувшей войне, имея в виду прежде всего книги таких писателей, как Вяйне Линна и Пааво Ринтала. Особенно ощутимо в романе Т. Хуусконена влияние некоторых особенностей творческой манеры Линна, с которым карельского автора сближает и юмористический склад дарования. Линна в свое время с блеском продемонстрировал изобразительные возможности солдатского жаргона, используя его для комического снижения милитаристских «идеалов», и этим же путем во многом идет Т. Хуусконен. Это, однако, не значит, что он «копирует» Линна, заново «переписывает» его «Неизвестно солдата». Т. Хуусконен достаточно уверенно владеет живописными средствами, чтобы создавать художественно самостоятельные картины военного быта, показывать своих героев в их каждодневных заботах и в моменты смертельной опасности.

Новый роман Т. Хуусконена вновь подтверждает, что сильной стороной этого прозаика является хорошее языковое чутье, умение строить диалоги, живописать отдельные сцены, впечатляющие своей психологической достоверностью и драматизмом. Хуже обстоит дело с общей архитектоникой произведения, хотя и в этом отношении у автора есть определенные сдвиги по сравнению с предыдущими его книгами. В романе «Всходы будущего» и в более ранних повестях уязвимой была как раз композиционная сторона, что было связано с некоторой статичностью характеров. Поскольку характеры героев не выявляли себя в каких-то новых человеческих качествах, повествование лишалось внутреннего движения, новые сцены угрожали превратиться в «повторение пройденного», в топтание на месте. В «Стальном вихре» этот недостаток менее ощутим, хотя моменты «повторяемости» встречаются и здесь (например, в некоторых батальных сценах).

Теме минувшей войны посвящены также повести О. Степанова «Поединок в таежной деревне» и Олега Тихонова «Операция в зоне «Вакуум». Последняя повесть строго документальна, и надо сказать, что в рамках этого нелегкого жанра автор сумел многого достичь. Как и «Три повести из жизни Петра Анохина» Дм. Гусарова, повесть О. Тихонова отличается острым, динамично развертывающимся сюжетом, хотя по организации материала и манере повествования она несколько иная. Повесть подчеркнута фрагментарна, в ней быстро чередуются острые диалоги, по-журналистски беглые

зарисовки, подлинные тексты радиogramм, выдержки из отчетов героев-подпольщиков. Автор не столько заботится о том, чтобы какими-то «связующими абзацами» скрепить все эти элементы, сколько надеется на их умелый монтаж. Дополнительные абзацы, возможно, связали бы их формально, но замедлили бы темп повествования, ослабили бы впечатление напряженности изображаемых событий. Автор же стремится к тому, чтобы из самой «лоскутности» возникла напряженная общая картина. Правда, кое-где монтажный калейдоскоп становится, пожалуй, слишком пестрым, и тогда хотелось бы чуть-чуть подзадержаться, чтобы повнимательнее приглядеться к изображаемым характерам. Манере автора чужда ложная романтика, и в то же время, в повести хорошо показано, какими превращениями и опасными неожиданностями изобилует деятельность подпольщиков. Во избежание провала требовалась крайняя осмотрительность, а то и просто удача, которая являлась после трудных испытаний и жестоких ошибок. Стилю автора присуща похвальная немногословность, он умеет строить пружинистую, «стреляющую» фразу, выхватить яркую деталь. Вот с каким емким лаконизмом описан расстрел молодого подпольщика, когда в последнем мгновении жизни для него сосредоточилась вся красота мира: «Его вывели в поле за Пустошь. В размытой зноем синеве неба дрожал звон жаворонка, рассыпался и оседал на землю мириадами подголосков — гудела, тикала секундами мелодий трава. Он поднял голову, и глаза до черноты захлебнулись солнцем...»

К числу наиболее удавшихся произведений карельских авторов о войне следует отнести и очерк П. Борискова «Летний поход», в котором впечатляюще описан один из трудных партизанских рейдов в лесах и болотах Северной Карелии.

Ряд наших авторов работает в жанре рассказа. В последние годы вышли сборники рассказов С. Лунд, М. Мазаева, Т. Хуусконена, В. Мякеля, М. Сысойкова, В. Соловьева. Опубликованы рассказы в наших журналах, в том числе рассказ нашего старейшего прозаика А. М. Линевского («Два века за четверть века» — «Север», № 6, 1970) и рассказы молодого автора В. Пулькина. Во многих рассказах заметна лирическая струя. Достоверным знанием природы и охотничьей психологии подкупают новые рассказы В. Соловьева. В юмористическом ключе написаны некоторые рассказы Т. Хуусконена и М. Мазаева. Смех Т. Хуусконена может быть злым и беспощадным, он предпочитает резко комические, гротескно-заостренные ситуации, исчерпывая их, как говорится, до дна, иногда даже с риском утратить чувство меры и преступить некий эстетический предел. Похоже, что помимо специфических особенностей юмористического жанра, чуждающегося чисто внешнего правдоподобия, есть в этом стремлении Т. Хуусконена к предна-

меренному заострению ситуации и нечто другое: желание избежать плоского натурализма — опасность, которая угрожает не одному ему, хотя, видимо, не все наши авторы ее в должной мере осознают.

Говоря о натурализме, я имею в виду не пристрастие к плотским сторонам жизни, не эротизм и не скабрзности — всего этого обычно не бывает в книгах наших авторов. Но натурализм может вполне уживаться и с благопристойно-причесанным, даже сентиментальным изображением жизни. Я говорю о том натурализме, когда характер и сюжет (как история характера) не вырастают до целостной художественной концепции, когда повествованию не хватает воздуха и простора, когда оно не скреплено, не спаяно воедино внутренней необходимостью и художественной логикой. Сцена следует за сценой, уходят одни герои и появляются новые, подробно описываются быт, обычаи, занятия людей, вещи, и все это вроде бы небезынтересно, не лишено содержания, но, прочитав книгу, ловишь себя на мысли, что художественной завершенности в книге нет, что можно было кончить ее значительно раньше, а можно было бы написать еще ряд сцен — принципиально от этого мало что изменилось бы.

Позволю себе небольшое отступление. В «Случайных этюдах» Василия Белова есть коротенький, в три странички, лирический рассказ «Холмы». Рассказ о том, как человек, приехавший в родную деревню в отпуск, пробудился утром от какой-то смутной тревоги. Потом он вспомнил вчерашнюю встречу с деревенским сверстником, то, каким немолодым тот ему казался, и хотя сам он даже чуть постарше, но как-то не осознал тогда этого. А теперь человека посетило острое чувство необратимости жизни. Рассказ пронизан скорбью, человек идет на деревенское кладбище, где «его впервые обожгла, заставила сжать зубы простая, ясная мысль... Здесь, на его родине, даже кладбище только женское. Он вдруг вспомнил, что ни одного мужчины из его рода нет на этом холме», — в разное время они уходили на разные войны и легли под другими холмами. Однако печаль в рассказе В. Белова особенная. Да, жизнь необратима, но она и безмерна, и посмотрите, как эта безмерность жизни передается самой стилистикой, самой интонацией повествования, на что, собственно, я и хотел указать этим отступлением. Уже в сжатом описании кладбища скрещиваются разные временные пласты; не только раздумья героя, но и вещественные детали приобретают протяженность и глубину; они присутствуют не просто как пейзажный или бытовой аксессуар, а наполняются огромным духовным содержанием, и все описание звучит как скорбно-суровое и вместе с тем радостно-торжественное приятие жизни. Да простят мне длинную цитату, но иначе трудно подтвердить сказанное.

«Он вышел в зеленое, звенящее кузнечи-

ками поле и на ходу медленно обвел взглядом родные, много лет не виденные окрестности и деревни. Он ощутил сейчас какое-то странно-радостное и грустное чувство причастности ко всему этому и удивился: «Откуда он взялся, и что значит все это? Где начало, кто дал ему жизнь, тогда, ну хотя бы лет четыреста назад? Где все его предки? Неужели теперь все они — это и есть всего лишь он сам и два его сына? Странно, непостижимо...

Он вышел на крутой и зеленый холмик, огибаемый голубой озерной подковой. Купол церкви плыл в небе, плыл в редких белых облаках, плыл и все не мог никуда уплыть. Пчелы тихо шумели над купами верб. Внизу от ветра и солнца мерцало озеро, его пронизанная лучами темная голубизна дробилась в своем бесконечном изменении. А здесь, на холме, было тихо и зелено. Горечь и зной истекали в небо, искажая лесной горизонт волнистыми вертикальными струями. Не в масть серым и реденьким, словно захмелевшим, крестам белел свежий штакетник, и арка новых сосновых ворот плыла в небе вместе с церковным куполом».

Обратим внимание, что и серые ветхие кресты рядом со свежей изгородью и новыми воротами присутствуют здесь не случайно, но служат веками раздвинувшегося времени, огромность которого художнику важно показать, и это с успехом ему удается.

Между тем, как часто в новых наших произведениях встречаешься с избытком вещественных деталей, которые никак не «работают» и присутствуют только сами по себе, бессильные прорвать свою материальную оболочку и обнажить художественную глубину. Это касается не только предметных деталей. Художественно не освоенным может остаться и иного рода материал, привлекаемый в каких-либо информационных целях — то ли это «справка» об исторической эпохе, то ли географическое описание, то ли почти «анкетная» биография героя. Такое встречается не только в исторических романах или повестях-биографиях, но подчас даже в лирически окрашенной прозе. Пекка Пертту давно зарекомендовал себя прозаиком лирического склада, и в этом плане у него есть очевидные удачи. Но и с ним бывают случаи, когда избранная лирическая стилистика повествования не до конца выдерживается, некоторые эпизоды не «осилены» в нужном ключе, появляется разностильность, эклектизм слога. Например, повесть «Клад» начинается с романтической завязки: рассказывается легенда о кладе и волшебных огнях на Черном острове, и сам старик Симана, главный герой повести, предстает на первых ее страницах человеком, всецело погруженным в мир преданий, близким к природе, с грустью размышляющим о том, что жизнь его детей пошла по иному руслу. Но вслед за тем «биографические» страницы уже «своей тональностью» противоречат этому

представлению. К тому же выясняется, что Симана в былые годы работал председателем местного колхоза, то есть он сам был активным строителем новой жизни. В результате образ раздваивается, наивной вере в волшебство вроде бы не остается места, и сам мотив легенды начинает казаться в повести несколько искусственным, во всяком случае, все то, что рассказывается о заботах и хлопотах детей Симаны, ихтиолога и геолога, образует стилистически разнородное сочетание с легендой. Здесь не найдена та мера стилистического единства, которая поражает нас, например, в «Белом пароходе» Чингиза Айтматова, где легендарное и сказочное удивительнейшим образом вписывается в пласты нравственной жизни современного человека.

В свое время Г. Гачев написал интересную статью о другой повести Чингиза Айтматова, о «Джамиле», тонко раскрыв ее коллизию как столкновение норм древней патриархально-родовой морали с нравственным миром новой личности, ее правом на индивидуальное чувство. Одновременно автор статьи показал, что и в художественном отношении сюжет современной повести имеет свой древний слой, как бы нижний фольклорный этаж. В истории любви Джамилы и Данияра критик обнаруживает сюжетную схему богатырского сватовства, которая живет как подпочва современного литературного мышления. «И это не только не есть ограниченность, — пишет Г. Гачев, — напротив, в этом величайшее преимущество младописьменных народов и литератур, ибо благодаря этому та целостность охвата жизни, способность сразу сопрыгать начала и концы, смотреть на жизнь одновременно и с наивно-непосредственной, и с углубленной современной точки зрения... здесь может осуществляться со всей полнотой».

То преимущество, о котором говорит Г. Гачев, остается в нашей карельской литературе, пожалуй, пока только возможностью, которая с достаточной художественной убедительностью еще не реализована.

Трудность охвата сложного жизненного материала, исторического или современного, единым художественным взглядом называется по-разному. Например, в связи с романом Э. Кононова «Боровада» С. Залыгин отметил на писательском совещании в Архангельске, что повествование в этом произведении как бы раздваивается: «Вот быт деревни, крестьянские семьи, а вот исторические события». Подобная художественная неслитность двух повествовательных потоков свойственна не только роману Э. Кононова, а является, к сожалению, довольно распространенным недостатком. Особенно в наших исторических романах нередко бывает так, что повествованием движет не столько внутренняя динамика развития и столкновения характеров, сколько внешняя схема исторических событий, простая их очередность. Конечно, история

воздействует на характеры, которые развиваются не в вакууме, а в исторических болениях, однако в романе мы все-таки хотим прочитать не описание исторических событий, а неповторимую историю человеческой жизни. Мир художественного произведения обладает своей логикой, в нем исторические события должны присутствовать не сами по себе, это должны быть вместе с тем и романские события, вытекающие из характеров. Когда же персонажи служат больше для того, чтобы просто «наложить» их на готовую историческую канву, когда они даже в количественном отношении представляют собой плод чисто рассудочной заботы автора о том, чтобы для полноты картины в произведении присутствовали все политические силы и классы, — в этом случае возникает опасность лишить характеры художественной самостоятельности, превратить их лишь в иллюстрацию определенной схемы исторических событий, пусть правильной, но все же еще не составляющей художественного сюжета.

ПРОИЗВЕДЕНИЯ карельских писателей были предметом обсуждения на ряде литературных форумов, в том числе в Москве и Ленинграде, где в ноябре 1970 года проводились Дни карельской литературы и искусства. В ходе обсуждения было высказано немало положительного и ободряющего, но говорилось, естественно, и о недостатках, и этот принципиальный разговор был полезен.

Перед писателями республики открыты большие возможности. У них есть хорошая литературная трибуна — два ежемесячных журнала, «Пуналиппу» и «Север», имеющие читателей не только в Карелии. Значительная часть тиража «Пуналиппу» распространяется в Финляндии, журнал знакомит зарубежных читателей с жизнью советской страны, особенно Карелии, с ее национальной культурой, к которой финны питают давний интерес. В журнале печатаются не только произведения карельских авторов,

но и переводы из других литератур народов СССР.

В плане знакомства финских читателей с жизнью и культурой советских народов журнал «Пуналиппу» выполняет тем более важную работу, что некоторые общесоюзные журналы, рассчитанные на зарубежного читателя и выходящие на ряде западно-европейских языков («Советская литература» и др.), на финском языке не выходят. Правда, в последние годы у журнала появился «конкурент» — выходящий в Финляндии совместный советско-финский журнал «Мир и мы». Он издается очень хорошо в полиграфическом отношении, гораздо лучше, чем «Пуналиппу», но литературных задач, равно как и общественно-политических, с журнала «Пуналиппу» это не снимает, они остаются весьма важными и обширными.

Повысилась и роль «Севера», после того как он стал межобластным журналом. Расширилась и читательская, и писательская его основа. На Европейском севере страны немало талантов, журналу есть куда расти, чтобы стать подлинным аккумулятором литературных сил.

Звание писателя, его художнический и гражданский долг ко многому обязывают. В нашем тревожном мире ему надлежит обладать самым чутким ухом, самым зорким глазом, самым отзывчивым на все проявления жизни сердцем. Это нелегко — никогда не знать покоя, но беспокойство в самой природе искусства. Покой прописывается только больным, а наше искусство здорово и открыто всем волнениям бытия. Как сказал поэт:

Лишь мертвые не ведают тревог,
Не видят ничего они, не слышат,
А к нам тревоги входят на порог
И, как сентябрьский дождь,
стучат по крыше.

Лишь мертвые не ведают забот,
А мы с тобой не мертвецы, не боги.
Нас пламя жжет, и снова в путь зовет
Привычный клич заботы и тревоги.

(Кайсын Кулиев)